Доктор Мышкин. Приемное отделение

Автор:
Андрей Шляхов

Доктор Мышкин. Приемное отделение

Андрей Левонович Шляхов

Коллеги-врачи прозвали его «ДОКТОРОМ МЫШКИНЫМ» за сходство с персонажем Достоевского – то ли святым, то ли блаженным, то ли юродивым. На него разве что не показывают пальцем: подивитесь на дурачка-идеалиста, что не вымогает у пациентов деньги, не берет взяток и даже отказывается от подношений!.. Каково провинциальному доктору-бессребренику в обычной московской больнице – «врачу от бога» среди «рвачей в белых халатах»? Можно ли «жить не по лжи», работать на совесть и следовать клятве Гиппократа в нынешней насквозь коррумпированной и продажной медицине? И что случится, если такой праведник влюбится в свою непосредственную начальницу, до встречи с ним считавшуюся нечистой на руку стервой-карьеристкой?..

Читайте НОВЫЙ РОМАН от автора бестселлеров «Клиника С…» и «Склиф» – смешное и горькое, трогательное и щемящее житие идеального врача, визит к которому может изменить и вашу жизнь!

Андрей Шляхов

Доктор Мышкин. Приемное отделение

Доктор из Мышкина

– Ну, здравствуй, Москва! – сказал человек, выйдя на площадь.

Человеку на вид было лет тридцать или чуть больше. Ничем не примечательный худощавый блондин. Неглубокие залысины, высокий, слегка выпуклый лоб, выступающие скулы, курносый нос, короткая ухоженная борода, на свету отдающая рыжеватым цветом. Зеленая футболка, вытертые до белесой голубизны джинсы, новенькие «безымянные» кроссовки, большой и явно тяжелый рюкзак за спиной. Любопытство во взгляде выдавало приезжего. Ни один москвич не станет наслаждаться видом площади трех вокзалов. Чего он там не видел? Суеты да приезжих?

– Ваши документы, гражданин! – тут же откликнулась столица.

Сержанту Захарову показались подозрительными приветливый взгляд и не менее приветливая улыбка мужика с рюкзаком. Подобное абстрактное добродушие несвойственно нормальным людям, а свойственно только что ширнувшимся наркоманам. Интуиция с опытом, оттолкнувшись от несообразной приветливости и только что прибывшего рыбинского поезда, позволили заподозрить курьера. Вон какой рюкзак здоровущий! Сейчас многие едут кружными путями, пытаясь проникнуть с товаром в Москву с севера или даже с запада. На этих направлениях контроль слабее, не то что на юго-восточном. Кривая дорожка нередко оказывается надежнее, чем прямая.

– Вот, пожалуйста! – Подозрительный гражданин достал из поясной сумки паспорт и протянул его Захарову.

Захарову не понравился взгляд гражданина – пристальный, но не цепкий, ментовский, а какой-то изучающий, что ли. На всякий случай он вскинул руку к козырьку фуражки и привычно невнятно «представился»:

– Сржа-ат Зыхрыв, мскоясское ловэдэ.

Гражданин смотрел все так же. Захаров покосился на напарника, проверявшего документы у двух толстых крикливых теток, обвешанных баулами, раскрыл паспорт, сверил «на личность», то есть сличил фотографию с оригиналом, и спросил, придав голосу максимальную строгость:

– Фамилия?

Недалекий и скорый в выводах наблюдатель решил бы, что сержант полиции Захаров Николай Александрович, одна тысяча восемьдесят первого года рождения, не умеет читать, раз, держа паспорт в руках, задает подобные вопросы. Знал бы он, этот наблюдатель, сколько людей, раздобыв поддельные или краденые документы, не удосуживается выучить то, что в них написано. Предъявит такой фрукт паспорт уроженца солнечной Молдавии на фамилию Струлосяну, а назовется Ивановым. Тут-то ему и капец!

– Боткин, – ответил улыбчивый гражданин и, не дожидаясь дальнейших вопросов, добавил: – Алексей Иванович. Родился первого июня восьмидесятого года…

– Одна тысяча девятьсот восьмидесятого года, – поправил въедливый и дотошный сержант и перелистнул странички. – Место жительства?

– Город Мышкин Ярославской области, – на сей раз гражданин отвечал обстоятельно, – улица Штабская…

Фамилия гражданина показалась Захарову знакомой. Первым делом он подумал про ориентировки, но потом вспомнил, что в Москве, кажется, есть институт имени Боткина. Нет, не институт, а больница, институт – это Склиф, имени Склифосовского. Или не больница, а болезнь? Болезнь Боткина – что-то такое доводилось слышать…

Окончательно запутавшись в медицинской теме, Захаров закрыл паспорт, но гражданину не отдал.

– Цель приезда?

Напарник отпустил теток и остановил двух небритых брюнетов восточной наружности.

– Работать! – Гражданин улыбнулся еще шире. – А вот вам, батенька, надо менять работу.

– Какого х…, – попробовал возмутиться Захаров, которого никто никогда не называл «батенькой», но, сам того не ожидая, осекся на нецензурном слове и

спросил цензурно: – Почему?

– Лицо у вас одутловатое, мешочки под глазами и цвет нездоровый. Почки вам проверять надо и избегать работы, связанной с переохлаждением. Летом-то еще ничего, а в остальное время чревато…

– А вы что – доктор? – недоверчиво повел головой сержант.

– Доктор, – кивнул гражданин и снова полез правой рукой в сумку. – Могу диплом показать.

Врачебных дипломов сержант Захаров никогда не видел, хотя работал в милиции-полиции не первый год. Ничего особенного. Синие дерматиновые «корочки», двуцветный разворот, по краям голубой, в середине – желтый. Слева – герб, справа – данные. Ярославская государственная медицинская академия… номер… присуждена квалификация «врач по специальности «лечебное дело». Чудное название у квалификации.

– Добро пожаловать в Москву! – сказал Захаров, возвращая документы.

Козырнул и поспешил к напарнику. Во-первых, там наступала кульминация – оба брюнета синхронно полезли во внутренние карманы своих мятых черных пиджаков, а во-вторых, развивать тему здоровья не хотелось. По этим докторам только начни ходить – не отвяжешься. Как говорится – коготок увяз, всей птичке хана.

– Прикинь, Сань, а я сейчас доктора Боткина остановил! – похвастался Захаров, когда брюнеты были отпущены. – Наверное, потомок того самого, который…

– Желтуху изобрел?!

– Изобрел! – хмыкнул Захаров. – Ты еще скажи «вывел»!

– А как надо?

– Открыл, – назидательно ответил Захаров. – Она ж была, эта желтуха, а Боткин просто симптомы записал и лечение придумал. Что, не слышал по телику такого

выражения: «Ученые открыли интересное явление…»?

– А кто мне дает смотреть телик?! – неожиданно, как человек, которому наступили на больную мозоль, завелся напарник. – Знал бы ты, Коль, как осточертело мне приходить домой с работы выжатым, как лимон, и голодным, как волк, и вместо ужина обсуждать с женой наши отношения…

Напарник изливал душу долго. За это время доктор Боткин успел доехать до Проспекта мира и перейти с кольцевой линии на радиальную. На станции «Свиблово» он вышел из поезда и поинтересовался у строгой дамы в красной шапочке, в какую сторону выходить к Ленинской улице. Вместо того чтобы молча и царственно ткнуть своим «жезлом» в светящийся указатель, читай, мол, а меня не отвлекай, Красная Шапочка указала направление, сказав:

– Туда, пожалуйста.

Доктор Боткин располагал к себе людей с первого взгляда. Не прикладывал к тому никаких усилий, не стремился произвести впечатление, просто располагал – и все, причем не только людей, но и животных. Его никогда не кусали собаки и не царапали кошки. «Мне бы еще с комарами пакт о ненападении заключить», – шутил он иногда…

Виктория Васильевна работала заместителем главного врача по медицинской части уже восьмой год и давно выработала стереотип общения с иногородними докторами, желающими устроиться на работу в городскую клиническую больницу номер шестьдесят пять. Именно с докторами, потому что заму по медицинской части заниматься медсестрами и санитарками не по чину, их нанимает, учит жизни и увольняет главная медсестра.

Первым делом следовало поинтересоваться причинами, заставившими человека сорваться с насиженного места и приехать в Третий Рим. Имели значение не столько причины, причины эти, точнее даже, причина у всех одна – нужны деньги, сколько личность кандидата, прекрасно раскрывавшаяся во время ответа на вопрос. Если человек просто скажет, что ему нужны деньги, то это одно. А если там, дома, вокруг одни сволочи, которые зажимают талантливого человека и не дают ему возможности реализоваться, то это другое. Непризнанные «гении» и вечно и всеми зажимаемые «таланты» никому не нужны, работать эти склочники не умеют и не желают, но ожидания и

требования у них всегда запредельные. Слава богу, кадровые реки, текущие в Москву со всей России, не иссякают. Есть из чего, то есть из кого, выбирать.

Затем Виктория Васильевна интересовалась, где живет семья кандидата. Если семья осталась дома, то неизбежны внезапные отъезды по различным причинам – кто-то заболел, что-то случилось. К тому же переезд без семьи – это не переезд, а только «примерка», проба сил. Смогу – не смогу, устроюсь – не устроюсь, пойдет – не пойдет. Не исключено, что через пару месяцев, так толком и не вработавшись, сотрудник или сотрудница уволится. Перебравшиеся в Москву всем семейством, обычно действуют более продуманно и обстоятельно. Работой дорожат сильнее, да и денег им нужно больше, оттого они вменяемы и покладисты.

В завершение своего «рекрутингового сканирования» Виктория Васильевна непременно просила перечислить свои сильные и слабые стороны. В отличие от москвичей, поднаторевших в этом вопросе, благодаря различным пособиям на тему: «Как создавать о себе ложное впечатление», и к слабым сторонам относивших только «чрезмерное увлечение работой», провинциалы терялись и могли сказать что-то ценное. Ценное для Виктории Васильевны и вредное для них. Виктория Васильевна вообще умела вызвать на откровенность своим показным добродушием. Пухленькая, улыбчивая, доверчиво смотрящая из-под очков, она напоминала классический образ доброй тетушки, столь нещадно эксплуатируемый в сериалах, и не только в них одних. И слушала Виктория Васильевна уютно – подопрет щеку рукой, улыбается и кивает время от времени. А потом вдруг теплота во взгляде сменится холодным металлическим блеском, брови устремятся к переносице, голос станет резким, не терпящим возражений, и даже ямочки на щеках разгладятся, потому что улыбаться больше незачем. И прозвучит вердикт: «Извините, но вы нам не подходите!» Дальше в кабинете наступала тишина, потому что собеседники, обескураженные столь разительной переменой, безропотно спешили удалиться. Понимали, что спорить бесполезно. Добрая тетушка превратилась в железную леди, того и гляди стальные клыки обнажит. Лучше не доводить.

– Кравцова умеет, – лаконично говорил о Виктории Васильевне главный врач Александр Брониславович, вкладывая в слово «умеет» все свое восхищение. – На нее можно спокойно оставлять больницу.

Тыл у главного врача был крепкий – он приходился двоюродным братом заместителю руководителя департамента здравоохранения и потому мог в

прямом смысле слова спокойно оставлять больницу на Викторию Васильевну, потому что «подсидеть» она его не могла. Может, и хотела бы (главным врачом быть лучше, чем заместителем), да не выйдет ничего, руки коротки.

На вопрос о причинах доктор с неожиданно звучной фамилией Боткин улыбнулся и ответил просто:

– Подзаработать надо.

– Семья большая, Алексей Иванович? – понимающе уточнила Виктория Васильевна.

– Нет, – улыбка стала смущенной. – Двое нас – я и мама.

– Не торопитесь?

– Жду, – ответил Боткин и уточнил: – Пока не встретил ту самую.

«Ну, наши-то тебя быстро захомутают, – подумала Виктория Васильевна. – Не дадут пропасть без внимания. У нас «тех самых» – батальон и одна другой акулистее». Ишь ты, какой застенчивый скромник, как замечательно потупляет взор и краснеет ушами. Но по всему видать – человек добрый, покладистый. На первый взгляд.

– Маме-то без вас трудно придется, – полувопросительно-полуутвердительно сказала Виктория Васильевна, желая выяснить состояние здоровья матери Боткина, чтобы понять не будет ли тот постоянно «срываться» домой.

– Она у меня молодец, – гордо ответил Боткин. – И здоровье ничего, для шестидесяти трех лет можно сказать – отменное. Главное, на огороде не надрываться, ненужных трудовых подвигов не совершать. Но на этот счет у меня с соседями уговор. Соседи хорошие, помогут и вскопать, и прополоть, и вообще…

– Хорошие соседи – лучше любого родственника, – поддакнула Виктория Васильевна.

– С родственниками у нас не очень. – Это была первая фраза, которую Боткин не стал сопровождать улыбкой. – Нет у нас родственников, одни мы на белом свете.

«Оно и к лучшему», – подумала Виктория Васильевна, уже более четверти века осаждаемая многочисленными украинскими родственниками мужа, считавшими трехкомнатную квартиру московской родни чем-то вроде бесплатного и безразмерного постоялого двора. Виктория Васильевна негодовала, пилила мужа, по молодости, бывало, даже разводом угрожала, но муж только разводил руками и вздыхал – куда, мол, деваться, свои же, не чужие. Постепенно Виктория Васильевна свыклась и начала воспринимать гостящую родню более спокойно. У каждой замужней женщины свой крест, и назойливые родственники еще не самый плохой вариант.

– А фамилия ваша…

– С фамилией пока не ясно, – перебил Боткин, но сделал это как-то уместно и совсем не грубо. – На сегодняшний день мое родство с Сергеем Петровичем Боткиным не подтверждено, но я пытаюсь докопаться до своих корней. История, вообще-то, мое хобби.

– И глубоко уже докопались? – поощряюще улыбнулась Виктория Васильевна.

– Не очень, – признался Боткин. – Приходится искать по разным архивам, практически вслепую. Прабабка, отцовская бабушка, уничтожила небольшой семейный архив в смутное время, что можно считать косвенным подтверждением…

Виктория Васильевна взглянула на часы. Собеседник понял намек и тут же умолк. Виктория Васильевна попросила поподробнее рассказать о том, чем приходилось заниматься в центральной районной больнице.

– Всем, – ответил Боткин. – По принципу: «я и швец, я и жнец, я на дудочке игрец». Первый год трудно было, а когда опыта набрался, полегчало. У нас же с узкими специалистами туго, вот и приходилось и за невропатолога, и за эндокринолога, и за дерматолога, и за инфекциониста… Не в полном объеме, конечно, по мере возможности. Заведующую терапией часто замещать приходилось…

– У нас на заведование не рассчитывайте, – тут же отбила пробный шар Виктория Васильевна. – Все места заведующих отделениями заняты.

– Оно и к лучшему! – Кажется, собеседник обрадовался искренне. – Меня административная работа угнетает. Не умею я людьми командовать и не люблю. Мне это исполнение обязанностей всегда было в тягость.

– Почему же тогда соглашались?

– А куда ж мне было деваться, если больше некому? – удивился Боткин. – Медсестру же не поставишь на заведование…

– Как же они теперь без вас, Алексей Иванович? – с легкой укоризной сказала Виктория Васильевна.

– Я долго решиться уехать не мог, до тех пор, пока к нам сразу двое терапевтов не переехали. Один Кузовлев чего стоит – отставной майор, вернулся на родину после службы врачом на флоте. Грамотный, опытный, один троих врачей стоит. И из Узбекистана семья врачей переехала, невропатолог и терапевт. Вот я и собрался… Если бы не мама, то, может бы, и не собрался, много ли мне надо, но мама меня вырастила, в люди вывела и вправе рассчитывать не только на признательность, но и на обеспеченную старость в капитально отремонтированном доме. Со всеми положенными удобствами.

Забота о родителях в качестве мотива для переезда звучала редко, народ все больше напирал на собственные проблемы. Виктория Васильевна зашла в тупик, не понимая, к какому типу людей отнести сидевшего перед ней Алексея Ивановича Боткина – то ли к простодушным провинциалам, то ли к коварным хитрецам с незаурядными актерскими данными. Хитрецов за всю жизнь перед ней прошли тысячи, опыт переплавился в интуицию, которая в случае чего сразу же откликалась, предостерегала. Сейчас интуиция молчала, но слегка обеспокоился разум, безуспешно пытавшийся нащупать в милом провинциальном докторе двойное дно или скрытую пружину, чреватую какими-нибудь неприятностями. От того, нащупает или нет, зависела судьба доктора Боткина.

Человеку проблемному светило терапевтическое отделение с его вечными, неразгребаемыми «завалами» и истеричной заведующей Инной Валерьевной, за

свою худобу и вспыльчивость прозванной Спичкой. Терапевтическое отделение – вечная дыра, вечная кадровая проблема, своего рода Молох, постоянно требующий новых жертв. Мало того, что работы невпроворот, да еще заведующая все нервы выматывает. За исключением самой Инны Валерьевны, средний врачебный стаж работы в терапии равнялся восьми месяцам. Средний, потому что кого-то на год хватало, а кто-то сбегал уже через месяц.

Трудолюбивого, вменяемого и покладистого «пахаря» с нетерпением ждали в приемном отделении. Трудолюбивого – потому что работа в приемном отделении изматывающая. Очень тяжело «сидеть на потоке», осматривать, оценивать, распределять… Постоянных больных нет, лечением заниматься не приходится, только приемом поступающих и их распределением по отделениям. Круговерть. Здесь надо быстро соображать и хорошо разбираться в медицине, чтобы принимать правильные решения. Здесь надо уметь общаться с людьми так, чтобы тебя понимали и умные, и не очень. Здесь надо уметь ускорять темпы без потерь качества. Здесь надо держать ушки на макушке, а свой интерес в уме. Добрая треть главных врачей вместе с заместителями лишилась своих должностей по вине дежурного врача приемного отделения. Кого-то напрасно развернул, кого-то положил не туда, к кому-то срочно консультанта не вызвал, кого-то толком не осмотрел, кого-то послал подальше… А потом поднялась Большая Волна и смыла к чертям собачьим всю больничную администрацию.

– Алексей Иванович, а какие свои стороны вы считаете сильными и какие – слабыми?

– Стороны? – немного даже растерялся Алексей Иванович. – Ну с сильными сторонами у меня провал – я обычный, ничем не выдающийся человек… Может, любовь к чтению? Но для врача это естественно…

Виктория Васильевна стрельнула глазами в сторону висевших колонной книжных полок, одна из которых была уставлена детективами Донцовой и Марининой, и подумала, что художественную литературу в рабочем кабинете лучше не держать на виду, надо бы ее назад, а спереди заставить медицинскими справочниками и руководствами.

– …Ну, привычек вредных у меня нет, – продолжал самоанализ Алексей Иванович, – но это же не достоинство, это нормально… Ну, расхождений диагнозов никогда не было…

– За последний месяц? – поддела Виктория Васильевна.

Расхождение диагнозов – это когда клинический, прижизненный диагноз не совпадает с патологоанатомическим, посмертным. Грубо (и упрощенно) говоря – лечили от одного, а умер от другого. Расхождения диагнозов случаются у любого врача, непосредственно занимающегося диагностикой и лечением. Время от времени. У кого-то чаще, у кого-то реже. Даже в Москве, напичканной светлыми «остепененными» умами и компьютерными томографами, случаются, чего же говорить о глубинке с ее узкими возможностями? А доктор Боткин хвастунишка, определенно хвастунишка.

– За все время, – глядя прямо в глаза Виктории Васильевне, ответил Боткин. – Начиная с ординатуры.

– Ни разу? – откровенно усомнилась Виктория Васильевна.

– Ни разу.

– У вас там что, Алексей Иванович, всех умерших без вскрытия хоронят или патанатомией ваш лучший друг заведует? – Виктория Васильевна не любила, когда ей откровенно вешали, что называется, лапшу на уши, вот и посуровела.

– Патанатомией у нас заведует Павел Захарович, человек исключительно дотошный и принципиальный, – принялся обстоятельно объяснять Боткин. – Дружбы с ним у меня никогда не было, да и быть не могло из-за тридцатилетней разницы в возрасте и расхождения во взглядах…

– В каких, позвольте узнать, взглядах? – сразу же уцепилась Виктория Васильевна.

– Во взглядах на жизнь. Павел Захарович пессимист, а я стараюсь смотреть на жизнь реалистично…

– И оттого вы оптимист? – Виктория Васильевна удивилась еще сильнее.

– Да, а как же иначе? – в свой черед удивился Боткин. – Ведь хорошего в жизни гораздо больше, чем плохого. Так что, если вы, Виктория Васильевна, думаете,

что Павел Захарович мог закрывать глаза на мои ошибки, то ошибаетесь. И вскрывают большинство умерших в стационаре, главный врач старается без вскрытия никого не отдавать. Просто мне везет, наверное, я пока еще не ошибался…

Доктор Боткин потянулся было рукой к железной ножке стула, на котором он сидел, но ножка оказалась металлической, и пришлось Боткину стучать по выступающей столешнице рабочего стола заместителя главного врача. Стучал он едва слышно, смутившись от своего нахальства. Виктория Васильевна отнеслась к этому поступку с пониманием, потому что сама тоже была суеверной.

– А слабых сторон у меня много. Я неспортивный, немного ленивый, в музыке совсем не разбираюсь… – Как ни странно, но свои слабые стороны Боткин перечислял куда охотнее, чем сильные. – Руки у меня не из того места растут, я ведь на первом и втором курсах хирургом хотел стать, но даже узлы толком вязать не научился, руки корявые, к ювелирной работе неспособные…

– В приемное отделение дежурным врачом пойдете? – перебила Виктория Васильевна.

– С удовольствием! – не раздумывая, ответил Боткин.

– У нас в приемном не санаторий, а конвейер. Учтите, Алексей Иванович.

Кто знает, какие там поступления в мышкинской ЦРБ?[1 - ЦРБ – центральная районная больница.] Может, там норма три человека в сутки?

– Я понимаю, Виктория Васильевна, – кивнул Боткин. – Одно слово – Москва!

– Временную регистрацию вы уже оформили?

– Нет, еще не успел, я же к вам сразу явился, прямо с поезда. Решил сначала устроиться, а потом уже комнатку поискать поблизости. Чтобы ходить на работу пешком, как дома. У меня и пятнадцать тысяч отложено на это дело, чтобы за первый месяц заплатить…

Виктория Васильевна окончательно поняла, что никакого двойного дна у доктора Боткина нет. Простак из провинции – любимый герой комедий. Пятнадцать тысяч он отложил, ха-ха!

– Алексей Иванович, с пятнадцатью тысячами вы поблизости никакую комнатку не снимете. Для этого вам нужно тысяч шестьдесят.

– Что – так взлетели цены? – ахнул Алексей Иванович, мгновенно меняясь в лице. – Как так? Я же перед самым отъездом смотрел, комнаты в «Свиблово» от двенадцати тысяч предлагались… Что, опять кризис?

Растерянным видом, особенно округлившимися от непонимания глазами, доктор Боткин напомнил Виктории Васильевне сына Борю, студента Московской медицинской академии, но не нынешнего двухметрового оболтуса, а маленького, трехлетнего. Когда у заигравшегося Бори отбирали игрушки и отправляли в кроватку, он точно так же недоумевал, удивляясь несовершенству мира.

– Никакого кризиса. Да, комнаты так и стоят, как вы говорите, но для того, чтобы снять комнату за пятнадцать тысяч, вам надо будет дать задаток за три месяца вперед и заплатить комиссионные агенту в размере месячной арендной платы. Пятнадцать на три – сорок пять, плюс еще пятнадцать, получается шестьдесят.

– Ничего себе! – сокрушенно покачал головой Боткин. – За три месяца! Агент! Комиссионные! Где ж мне взять шестьдесят тысяч? У меня всего двадцать с собой – пять на житье…

– Простите, а как вы собирались снять комнату?

– Да я думал – похожу по окрестным дворам, у бабушек поспрашиваю…

– Ходить и спрашивать вам никто не запрещает, но боюсь, что вы только зря потеряете время, – жестко сказала Виктория Васильевна. – Имейте в виду, Алексей Иванович, что в окрестностях нашей больницы с комнатами напряженно. Два рынка, Экономическая академия, наша больница – хватает желающих снять недорогое жилье. Но даже если вам повезет и вы найдете что-нибудь приемлемое, то задаток с вас потребуют непременно. Хотя бы за два месяца. Так что тридцать тысяч – это минимум миниморум[2 - Minimum

minimorum (лат.) – самое меньшее.] в самом удачном случае.

Доктор Боткин совсем расстроился, даже голову руками обхватил. Виктории Васильевне стало его жаль, чисто по-человечески. По отношению к посторонним, не бывшим членами семьи, она испытывала это чувство крайне редко. А тут вот – накатило.

– Из любого положения есть выход, Алексей Иванович…

Алексей Иванович отнял руки от головы, уперся ладонями в колени, поднял голову и с надеждой посмотрел на Викторию Васильевну.

– Это, конечно, не практикуется, – сказала Виктория Васильевна, давая ему возможность проникнуться и осознать, – но для вас мы, вероятно, сможем сделать исключение. Думаю, что в приемном отделении найдется свободная каморка и списанная койка. А Надежда Тимофеевна, старшая медсестра приемного отделения, поможет вам с регистрацией. У нее муж в миграционной службе работает, она многим помогает.

– Виктория Васильевна! – просиял доктор Боткин. – Спасительница вы моя! Как же мне вас отблагодарить?..

– Хорошей работой, – ответила Виктория Васильевна.

Пройдет совсем немного времени, и Виктория Васильевна будет проклинать свою минутную слабость, жалея о том, что вообще связалась с доктором Боткиным, а не дала ему от ворот поворот. Но это будет потом, а пока что Виктория Васильевна имела все основания гордиться собой. Делать добрые дела всегда приятно, а если они еще и ничего тебе не стоят, то приятно вдвойне.
В шестьдесят пятой больнице была далеко не одна такая «каморка», предназначенная для проживания сотрудников, большей частью врачей. Тяжелая ситуация с кадрами вынуждает администрацию идти на различные ухищрения (в том числе и на нарушения), лишь бы обеспечить бесперебойное функционирование родного учреждения. Иначе прозвучит свыше грозное, раскатисто-громоподобное: «Не справляетесь, так проваливайте!» – и придется покидать теплые, выслуженные и насиженные места.

«Какая славная женщина, – думал Алексей Иванович, идя из шестого, административного, корпуса в пятый, на первом этаже которого находилось приемное отделение. – Впервые в жизни меня видит – и сразу же входит в положение! А кто ей я? Никто! Олух из Ярославской губернии. Нет, ну надо же было так сплоховать! Пятнадцать тысяч положил на жилье и успокоился. Господи, а откуда ж взять так вот сразу шестьдесят тысяч, чтобы задаток за три месяца и комиссионные? Шестьдесят тысяч – это же не просто деньги, а весьма приличная сумма, чтобы просто так ее выложить за комнату… За комнату на три месяца! Ох…»

В Мышкине тысяч за восемьдесят можно было купить небольшой домишко в состоянии, близком к аварийному, но тем не менее это был дом с каким-то, пусть и крошечным, участком, и он покупался, а не арендовался.

Сказать, что Алексей Иванович был счастлив, означало не сказать ничего. Это ж мало кому так везет в столице. Не успел приехать, как устроился на работу, да не куда-нибудь, а в одну из крупнейших московских больниц, и вдобавок обзавелся бесплатным жильем (услышав вопрос о размере арендной платы, Виктория Васильевна подняла брови так высоко, что Алексей Иванович сразу понял – глупость сморозил). Удобство-то какое – прямо в больнице, даже еще удобнее – прямо в отделении. Это не какая-нибудь убогая комнатенка с непонятными соседями. Алексея Ивановича немного коробил сам факт предстоящего нелегального проживания на территории больницы, но коробил немножко, совсем чуть-чуть. В конце концов, в переносном смысле больница для доктора – дом родной. Так пусть будет не только в переносном, но и в прямом.

Комната Алексею Ивановичу понравилась. Расположена она была не на проходе, где круглосуточно дребезжат каталки и топает народ, а в закуточке, рядом с бельевой, где сестра-хозяйка приемного отделения хранила чистое белье, матрацы и подушки. Светлая такая комната, чистенькая, окнами на двухэтажный соседний корпус.

– Что там, не скажете? – спросил Алексей Иванович у старшей медсестры, занимавшейся его размещением, и указал пальцем в окно.

– Девятый корпус – местный клуб самоубийц, – ответила та. – Психосоматическое и кризисное отделения, после патанатомии самое тихое место в нашей больнице.

– А какое самое шумное? – полюбопытствовал Алексей Иванович.

– Роддом, разумеется! Внутри дети с матерями орут, снаружи отцы пытаются докричаться до матерей, потому что к видеофонам вечно очередь. А в девятом корпусе благодать – проснутся, пообщаются с докторами, получат таблетки с уколами и снова спят.

Клиническая клиника

Прозвище «Чудик» доктору Боткину дала диетсестра Мария Егоровна, толстая, сварливая и острая на язык. По больнице ходило много перлов, высказанных Марией Егоровной, вроде: «Лечить нетрудно, ты попробуй накорми четыре раза в день, да так, чтобы все довольны остались!» или «Культурный человек из-за котлеты не скандалит!».

Трудовой стаж Марии Егоровны уходил корнями в далекое социалистическое прошлое. Начинала она в ресторане «Восток» на Сиреневом бульваре. Научилась делать из одной курицы не меньше четырех котлет по-киевски (профессионалы оценят), «освежать» вчерашние и даже позавчерашние салаты, устранять нехороший запах мяса и разных колбас с буженинами, а самое главное – научилась правильно готовить, то есть так, чтобы и в тарелке было, и себе оставалось. На определенном этапе статус посудомойки с полномочиями «подай-принеси» перестал устраивать Марию Егоровну, тогда еще просто Марусю. Захотелось выйти в люди, а для этого надо было учиться. Маруся соригинальничала – поступила не в кулинарное ПТУ[3 - ПТУ – профессионально-техническое училище.], а в медицинское училище, где в итоге выучилась на диетсестру. Несмотря на юные годы, Маруся поступила очень дальновидно. Там, где люди платят за то, что они едят, всегда больше скандалов, жалоб и прочих неприятностей. «Что вы мне принесли? Бифштекс? Да его же нож не берет!». «Это что – борщ по-вашему? Вегетарианский, что ли? А где в нем мясо?». «Из чего сделаны эти котлеты?»… А в больницах, санаториях и детских садах, то есть там, где кухонным производством заправляют диетсестры, по поводу еды скандалов гораздо меньше. Ешь, что дают, или не ешь, твое право. Дети они вообще все съедят, что им ни положишь, если воспитатель правильно организует процесс. В санаториях после душа Шарко и прогулок на свежем воздухе любая еда кажется приемлемой, а в больницах традиционно не принято

привередничать по поводу питания. Опять же, по объемам приготовляемой пищи самый крупный ресторан вряд ли сравнится со средней больницей. В ресторане более дорогие продукты, следовательно более тщательный контроль. К всемирной поварской славе Мария Егоровна никогда не стремилась. Ей было достаточно «приварка». Чтобы семье на продукты не тратиться и излишки соседям по сходной цене продавать.

Дежурный врач-терапевт приемного отделения считался ответственным дежурным врачом по больнице. В отсутствие администрации, то есть по будням вечером и ночью, а по выходным – целые сутки, его распоряжения обязательны для всех. Временно исполняющий обязанности главного врача, так сказать.

Ответственный дежурный врач по больнице много чего должен делать. Перечень его обязанностей длинен (две страницы двенадцатым кеглем шрифтом Times New Roman через одинарный интервал). Одна из самых важных – снятие пробы приготовленной пищи и разрешение на ее раздачу больным. Больным, и только больным, потому что персоналу положено кормиться за свой счет в столовых и буфетах или есть принесенное из дома, а не тянуть ложку (или вилку) к больничному котлу.

Мария Егоровна прекрасно понимала, что хорошо и спокойно живет только тот, кто умеет ладить с людьми. Поэтому дежурных врачей, явившихся для снятия пробы, в пищеблоке усаживали за отдельный столик, накрытый чистой клеенкой, и подавали им пробу в тарелках. В добавке, если таковое желание возникало, отказа никогда не было – ешьте на здоровье, ответственные вы наши! Откушав и выпив компота, какао или чая, в зависимости от того, что стояло в меню, дежурный врач расписывался в журнале проб готовой пищи. Удостоверял соблюдение меню, доброкачественность блюд и правильность их приготовления, соответствие массы порции раскладке, попутно оценивал санитарное состояние кухни и давал разрешение на отпуск пищи. Качество приготовления блюд оценивается, как в институтах. «Отлично» получают блюда, полностью соответствующие диете, вкусно приготовленные и красиво оформленные. При наличии некоторых легко устранимых дефектов типа недосола выставляется оценка «хорошо». Если выявлены существенные нарушения требований, но есть пищу все-таки можно, то оценка снижается до удовлетворительной. Пища, которую есть нельзя, даже зажмурившись, получает «неуд». Чаще всего в журналах можно увидеть оценку «хорошо» – скромно и достойно.

По желанию ответственный дежурный врач мог получить на кухне «сухой паек» – печенье, бутерброды с сыром или колбасой, пяток сосисок, яблоки и т. п., наличие под рукой чего-нибудь вкусненького приятно скрашивает унылые в своем изматывающем единообразии дежурства. Если же кому-то из врачей выпадала черная планида дежурить в свой день рождения (случается и такое!), то Мария Егоровна собственноручно пекла для именинника торт, который скромно называла пирогом. Дни рождения врачей были у нее записаны.

«Проба» для ответственного дежурного готовилась в так называемом «малом» котле, из которого также питались сами работники пищеблока, главный врач с заместителями и секретарь главного врача (им обед доставлялся в кабинеты, а секретарю – в приемную), врач-диетолог Полина Марковна и заведующая операционным блоком Затворожная, ближайшая и давнишняя подруга Марии Егоровны. «Малый» котел, несмотря на свою малость, иных продуктов, таких, как масло и мясо, получал наравне со своим большими собратьями, отчего готовил вкусно и сытно.

– Мы ж здоровые люди! – говорила Мария Егоровна, легонько ударяя пухлым кулаком по своей необъятной груди. – Нам диеты не нужны! А вот им (имелись в виду больные) холестерин и жиры – просто яд!

Один больной из эндокринологии, человек въедливый и кляузный, утверждал, что в следственных изоляторах кормят гораздо сытнее, нежели в шестьдесят пятой клинической больнице.

После вкусного и сытного обеда лень заниматься определением фактического выхода порций. Взвешивать кастрюли с котлами, вычитать вес тары, делить на количество заказанных порций, взвешивать битки с котлетами… Мария Егоровна лучше знает, что да как, ведь кухня, в конце концов, ее вотчина. Больничный врач-диетолог Полина Марковна в практические дела пищеблока не вникала, Полина Марковна вообще жила по принципу: «Ах, отстаньте и не трогайте меня, пожалуйста!» Подготовка документации по организации лечебного питания, санитарно-просветительная деятельность и консультации изнуряли Полину Марковну настолько, что проверять качество продуктов при их поступлении, контролировать правильность хранения запасов и осуществлять контроль за правильностью закладки продуктов питания при приготовлении блюд ей было уже невмоготу. Да и незачем, потому что есть Мария Егоровна, которая делает все как надо. Вне всякого сомнения, играл свою роль и увесистый пакет с провизией, который врач-диетолог ежедневно, незадолго до ухода домой,

получала от диетсестры. Доброе отношение и кошке приятно, а человеку и подавно. В больнице Марию Егоровну большей частью уважали, а кто не уважал – тот побаивался. В гневе она представала истинной валькирией, разила своим копьем, то есть языком, налево и направо и никогда не забывала обид.

Нового врача приемного отделения, как и полагалось, представили коллективу на пятиминутке. День оказался урожайным на пополнение – сразу четыре врача: по одному в приемном отделении, в терапии, в гнойной хирургии и в неврологии.

Алексей Иванович в многолюдном больничном конференц-зале с непривычки растерялся. Да тут еще при упоминании Викторией Васильевной города Мышкина некоторые сотрудники откровенно заулыбались – не иначе как успели там побывать. Алексей Иванович поулыбался в ответ, это у него хорошо получалось – улыбаться, ответил на вопрос старшей сестры кризисного отделения Фалалеевой: «А вы, доктор, не из тех самых Боткиных будете?» и сел. Во время церемонии представления Алексей Иванович держал руки в карманах халата, поэтому по залу прокатился шепоток: «Женат? Не женат?» Шепоток докатился до старшей сестры приемного отделения, сидевшей во втором ряду, и отхлынул радостной волной: «Не женат!» С разных концов зала доктор Боткин был немедленно обстрелян игривыми взглядами. Взгляды сопровождались не менее игривыми улыбками. Неискушенный в правилах столичного флирта доктор из Мышкина покраснел и как-то весь сжался. Улыбки показались ему не игривыми, а ехидными. В Мышкине флиртовали и выказывали расположение иначе, не пялясь глазами на объект, что вообще считалось крайне невежливым. Следовало улучить минутку, когда вокруг никого не было (публичное выражение не только чувств, но и интереса к кому-то еще не укоренилось повсеместно в российской провинции), и предложить прогуляться по набережной. Если это предложение принималось, то во время прогулки высказывалось следующее – посидеть на лавочке и полюбоваться видом на Волгу, пусть даже и замерзшую, если дело было зимой. Если принималось и это предложение, то можно было приступать к объяснениям и признаниям. А так, чтобы утром, на пятиминутке, глазами стрелять…

– Какой он мимимишная няшечка! – восхитилась невропатолог Инютина, знойная одинокая женщина в самом расцвете лет. – Сразу видно – скромный мужчина, не нахал какой-нибудь!

– Скромному в приемном отделении делать нечего, – ответил уролог Сальников, которого язва двенадцатиперстной кишки и редкое по нашим временам

отчество Харитонович, всячески переиначиваемое тугими на ухо пациентами, сделали ворчливым мизантропом. – В приемном выживают только церберы вроде Сычихи.

Заведующая терапевтическим приемным отделением Ольга Борисовна Сыч, она же «Сычиха», сидела в первом ряду, прямо напротив Виктории Васильевны. Когда представляли Боткина, она не обернулась, словно и не из ее отделения был он. Ничего личного – просто незачем оборачиваться. Ольга Борисовна была прагматичной рационалисткой, то есть делала только то, что ей нужно и выгодно. В качестве исключения из этого правила иногда ей приходилось делать то, к чему ее вынуждало начальство.

Начальство ценило Ольгу Борисовну, как ответственного, компетентного и крайне вменяемого сотрудника. Коллеги-заведующие тоже ценили Ольгу Борисовну, как человека, придерживающегося принципа «живу сам и даю жить другим». Подчиненные ценили ее за то же самое —неукоснительно соблюдая свой интерес, Ольга Борисовна давала возможность им соблюдать и свой. Не столько руководствуясь соображениями справедливости и гуманизма, сколько народной мудростью, гласящей, что прикормленная собака попусту не гавкнет. Если человек имеет, то он дорожит, разве не так? В целом Ольга Борисовна была не самой плохой начальницей, а избыток стервистости можно было отнести за счет одиночества и неудачной личной жизни вообще. С одной стороны, казалось странным, что молодая, симпатичная, умная и, как принято говорить, обеспеченная отдельной жилплощадью женщина не могла найти себе спутника жизни. Но как-то так вот получалось, возможно, что виной всему была планка, задранная слишком высоко, а может, и банальное невезение.

Одинокому человеку, кроме себя, надеяться не на кого, поэтому Ольга Борисовна умела огрызаться, а если требовалось, то могла и больно укусить. Уролог Сальников во время предыдущего дежурства не счел нужным поторопиться, когда его вызвали на срочную консультацию в приемном отделении, за что утром, прямо на пятиминутке, был показательно выпорот Ольгой Борисовной. Не в прямом, конечно же, смысле слова, хотя некоторые из сотрудников явно были бы не прочь поиграть с ней в такие игры, а в переносном – отчитан в резкой форме, как нашкодивший мальчишка.

– Обожаю таких скромников! – Инютина закатила глаза. – Это они только на вид такие, а в постели…

– А может, он гей? – предположил Сальников чисто из вредности, просто для того, чтобы сказать неприятное.

– Сам ты гей! – обиделась Инютина. – Гей-офигей!

Мария Егоровна, присутствовавшая на утренней конференции, просканировала доктора Боткина своими хитрыми глазками и записала его в невредные простаки. Когда конференция закончилась, она, пыхтя и отдуваясь, нагнала легкого на ногу Боткина в переходе между корпусами, взяла под ручку, познакомилась и строго-настрого наказала не опаздывать к обеду.

– Я уверена, что мы с вами подружимся, – многозначительно сказала она напоследок.

– Непременно подружимся, – заверил Боткин, радуясь тому, что москвичи, представлявшиеся издалека чванливыми и грубыми (что уж поделать, если идет такая слава о столичных жителях?), при ближайшем рассмотрении оказались довольно милыми, приятными людьми.

Немного настораживала заведующая отделением, встретившая Алексея Ивановича холодно и столь же холодно проводившая инструктаж, но, пораскинув мозгами, доктор Боткин решил, что это просто такой метод у начальницы – сначала приглядеться к новому сотруднику, а уж потом «раскрываться» перед ним. К тому же красивым женщинам и положена некоторая холодность в общении с противоположным полом. Алексею Ивановичу начальница показалась не симпатичной, а именно красивой. Ему вообще нравились брюнетки с мягкими чертами лица и чувственными губами, похожие на «Незнакомку» Крамского.

В двенадцать часов пятнадцать минут, за сорок пять минут до начала обеда, Алексей Иванович пришел снимать пробу. Мария Егоровна еще не успела довести его до стола, а на белой в синюю клеточку клеенке уже стояла дымящаяся тарелка с обжигающим даже на вид красным борщом замечательной густоты. Поверхность борща была не гладкой, как у жиденьких больничных супчиков, а неровной – по центру айсбергом высился большой кусок мяса (чистейшая мякоть без жилок и жира), а вокруг него здесь и там высовывались то морковь, то свекла, то картошка, то капуста. Что и говорить – борщ был замечательный. Перед тарелкой выстроились в ряд солонка, перечница, баночка

с горчицей и пиалообразная чашечка со сметаной, чтобы едок мог довести борщ до желаемой вкусовой кондиции.

Это было невероятно, но ответственный дежурный по больнице прошел мимо стола, даже не взглянув на стоящее на нем великолепие. Как будто и не для него было поставлено, как будто он только что сытно и со вкусом отобедал. Вместо этого он подошел к стоявшим на плитах котлам и попросил:

– Дайте мне, пожалуйста, ложки.

Обескураженная Мария Егоровна протянула Боткину две столовые ложки, а сама вооружилась половником.

Вначале сняли пробу с борща. Мария Егоровна зачерпнула половником из котла, а Боткин зачерпнул одной ложкой уже из половника, перелил в другую и попробовал из нее. Остаток борща из половника Мария Егоровна вернула в кастрюлю. Подошли к мойке, ополоснули половник и «черпающую» ложку горячей водой и тем же манером попробовали куриный суп с лапшой и овощной супчик. Пробы картофельного пюре и тушеной капусты проводились без половника – Боткин черпал ложкой прямо из котлов. Биточки и морковные зразы, примерно равноценные друг другу по содержанию мяса, заставили его слегка нахмуриться, но складка между бровями, столь неуместно смотревшаяся на его добродушном лице, сразу же разгладилась. Напробовался, то есть перепробовал, вот и вкус притупился, ясное дело.

Глоток кисловатой водички, именовавшейся компотом, вернул вкусовые рецепторы в изначальное состояние. Алексей Иванович почмокал губами и рассудил, что кормят в Москве похуже, чем в Мышкине. Местная еда не шла ни в какое сравнение с той, что готовилась в пищеблоке мышкинской ЦРБ, особенно если учесть, что в Москве денег на питание больных отпускалось больше и отпускались эти деньги регулярно, без задержек. Но следовало учесть, что в Москве и цены должны быть повыше, в столице, как полагал Алексей Иванович, все без исключения стоит дороже, и продукты здесь «долгоиграющие», напичканные консервантами, с провинциальным свежачком не сравнить. Опять же, первое дежурство, поток «Скорых», разбавляемый для разнообразия самотеком, все непривычно, все ново. Это ведь тоже порождает некоторую нервозность. Нельзя сказать, чтобы Алексей Иванович чувствовал бы себя в своей, как говорится, тарелке.

– Выход порций определять будем? – прищурив глазки, поинтересовалась Мария Егоровна, когда процесс снятия пробы завершился.

Подобным образом на ее памяти пробу в пищеблоке снимали лишь дважды – первый раз, когда снимали сюжет для телевизионных новостей, а второй – в присутствии комиссии, прибывшей снимать предыдущего главного врача, возмечтавшего возглавить столичный департамент здравоохранения и в одночасье уволенного за свои необоснованные, неподкрепленные и оттого неуместные амбиции.

Недобрых ноток в голосе Марии Егоровны Алексей Иванович не прочувствовал, а тем не менее они прозвучали явственно. Все, кроме него, их уловили.

– Не будем, некогда, – вздохнул он и попытался оправдаться: – Работы много, тороплюсь.

В Мышкине расчетом выхода порций заниматься не было нужды, потому что сколько еды было, столько ее и выдавалось. Город маленький, шила в мешке не утаишь, да и традиция существовала оказывать больничной кухне «гуманитарную помощь» продуктами. Сам Алексей Иванович то яблок со своих яблонь приносил, то огурчиков, то петрушки свежей, с грядки, в суп покрошить. Все пятеро сотрудниц маленького больничного пищеблока уходили с работы так же, как и приходили, никто никакой провизии домой не тащил.

Насчет Москвы у доктора Боткина были сомнения. Не в смысле недокладывания продуктов, а в смысле местных традиций, принятых правил. Вдруг отказ от определения выхода порций будет расценен как халатное пренебрежение своими обязанностями? Халатность в первое же дежурство способна навсегда испортить впечатление о новом сотруднике у начальства и коллег. Но «Скорые» приезжали буквально одна за другой, а «завал» в приемном покое грозил подпортить репутацию доктора Боткина сильнее всего. Поэтому Алексей Иванович выбрал из двух зол то, что поменьше.

Все блюда получили оценку «отлично». Похвалив на прощанье санитарное состояние пищеблока и не приврав нисколько, потому что чистота во владениях Марии Егоровны была не близкой к идеальной, а просто идеальной, ответственный дежурный врач ушел, точнее – убежал к себе в приемное отделение.

После его ухода Мария Егоровна шикнула на буфетчиц, уже нетерпеливо просовывавших головы в дверь, обвела потяжелевшим взглядом подчиненных, неодобрительно, а может, и недоумевающе покачала головой и сказала:

– Послал же Господь чудика!

После вздоха, исполненного в лучших традициях Малого театра, имела место столь же академическая пауза, а затем прозвучал вердикт:

– Чует мое сердце – намучаемся мы с ним!

На столе остывал борщ, предназначавшийся доктору Боткину…

Часам к пятнадцати «распогодилось» – поток пациентов иссяк. Предупредив дежурную медсестру Алину, Боткин ушел в свою комнату, которую конспиративно называл «кабинетом». Заварил чай из пакетика, бросил в чашку листочек привезенной с собой домашней мяты, залил кипятком быстро готовящуюся лапшу якобы с грибами, открыл пачку крекеров. Только успел сесть за стол, как в «кабинет» заглянула старшая медсестра Надежда Тимофеевна. Заглянула просто так, без всякой рабочей надобности, просто поинтересоваться впечатлениями о начале первого дежурства. Увидев скромную боткинскую трапезу, Надежда Тимофеевна удивилась:

– Что-то вы быстро проголодались, Алексей Иванович!

– Ну, если учесть, что завтракал я в половине восьмого, то уже вроде как пора подкрепиться, – ответил Боткин. – Печеньица соленого не желаете?

К царапающему ухо слову «крекер» он еще не успел привыкнуть.

– Нет-нет, спасибо! – отказалась Надежда Тимофеевна. – Кушайте, не буду мешать. Приятного аппетита!

Из своего кабинета она по внутренней линии позвонила на пищеблок, попросила к трубке Марию Егоровну и без предисловия высказала ей свое порицание:

– Ну ты, Егоровна, даешь! Что, трудно было накормить нового доктора?! Зашла к нему сейчас, а он, бедняга, лапшу пластмассовую ест! Тебе что, старая жопа, лишней тарелки борща для хорошего человека жалко?! Совсем с ума сошла от жадности! Он же…

То, что Алексей Иванович Боткин – хороший человек, Надежда Тимофеевна поняла еще при знакомстве, а только что окончательно убедилась в этом. Попробовали бы на пищеблоке не накормить обедом доктора Колбина, тот бы их всех головами в котлы бы макнул. А этот не сказал ни слова, сидит, лапшу свою ест… У Надежды Тимофеевны от умиления и сострадания аж слезы на глаза навернулись. «Вот бы моей Галке попался бы такой покладистый муж», – помечтала она, досадуя на имевшегося в наличии зятя, которому вся родня, да и сама Галка тоже боялись слово поперек сказать.

– Я старая, а ты молодая – что с того? – флегматично ответила Мария Егоровна, бывшая шестью годами старше Надежды Тимофеевны. – Можно подумать – велика разница! А попрекать ты меня не попрекай, потому что у меня весь пищеблок в свидетелях. Я вашего Чудика встретила честь по чести, разве что только стакан не поднесла, а он на борщ ноль внимания, мне – фунт презрения. «Давайте, говорит, ложки, буду пробу снимать!» Ну, думаю, всяко бывает – решил человек выпендриться, а он пробу снял, расписался и ушел. Если бы время позволяло, то еще бы и кастрюли взвесил. Сам сказал.

– Да ты что, Егоровна! – ахнула Надежда Тимофеевна. – В натуре?

– В комендатуре! – как и положено, ответила Мария Егоровна. – Я теперь его дежурства красным цветом отмечать буду, чтобы, не дай бог, недовеса у меня не оказалось. Сама понимаешь, Тимофеевна, наше пенсионерское дело такое – по-крупному подставиться только один раз можно. Почти как саперам.

– Это да, – согласилась Надежда Тимофеевна, перешагнувшая порог пенсионного возраста в прошлом году и до сих пор еще не до конца свыкнувшаяся с этим фактом. – Нас уволить нетрудно.

– И больше уже никуда мы не устроимся! – жестко, даже жестоко, сказала Мария Егоровна. – Давай, Тимофеевна, гляди в оба, а то как бы ваш Чудик не начудил так… Ну, сама понимаешь.

– Да он оробел, наверное. Первое дежурство, да еще в Москве после провинции. А поступление знаешь сегодня какое? Я с ним поговорю.

– Твое дело, – не стала спорить Мария Егоровна. – Хочешь – разговаривай. А я для себя уже все выводы сделала. Чудик он, пыльным мешком по голове шандарахнутый. Это – клиника, Тимофеевна, клиническая клиника. Вот когда я в ресторане «Восток» девчонкой посуду мыла, у нас шеф-повар такой же работал. Недолго – месяца три, очень правильный был мужчина, все пытался по инструкциям да по нормам делать. Директор от него еле избавился, слухи ходили, что пришлось тюрьмой пригрозить. Ресторан у нас был не из самых, но дела там делались крупные…

– Извини, Егоровна, меня заведующая зовет, – поспешно сказала Надежда Тимофеевна и, не дожидаясь ответа, положила трубку на место.

Водилась за Марией Егоровной такая привычка, как любовь к воспоминаниям. Заведется – не остановишь, придется слушать да поддакивать.

Телефон тут же зазвонил. Надежда Тимофеевна сняла трубку.

– Я забыла тебе напомнить, что у нас есть столовая для сотрудников, – ехидно сказала Мария Егоровна и отключилась, оставив последнее слово за собой.

Столовая для сотрудников в больнице действительно имелась, в подвале административного корпуса. Кормила сотрудников кейтеринговая компания, на деле принадлежавшая главному врачу, но деликатно оформленная на имя его племянника, свободного художника-постмодерниста. Мнимый владелец имел за прокат своего имени триста долларов в месяц, каковые являлись стержнем его материального благополучия, а реальный владелец имел спокойствие.

Обедали сотрудники по талонам, которые можно было получить в бухгалтерии. В конце месяца стоимость талонов вычиталась из зарплаты. Те, кому ходить за талонами было лень, платили наличными «в лапу» раздатчицам. Раздатчицы против черного нала не возражали, скорее наоборот – приветствовали. Обед стоил «всего» семьдесят пять рублей. Льготная цена оправдывала нахождение компании на территории больницы – за цену, близкую к символической, компания арендовала часть седьмого, архивного, корпуса, якобы находившуюся в неподходящем для использования под больничные нужды состоянии. На самом

деле в неподходящем состоянии находилась другая часть корпуса, где вперемежку, на головах друг у друга, громоздились два архива – «бумажный» с историями болезни и пленочный, рентгенологический. Низкая цена обедов соблазняла далеко не всех, поскольку дешевое было донельзя сердитым. Ложечка жухлых овощей выступала в роли салата, водичка, замутненная какими-то примесями, – в роли супа, мясные и рыбные блюда весили не более семидесяти-восьмидесяти граммов, а гарнир к ним не накладывался, а всего лишь размазывался по тарелке тонким слоем, создавая ложно ощущение полной порции. И к тому же, по неизвестным причинам, столовская еда никогда не бывала горячей – всего лишь теплой. Короче говоря, столовую сотрудники не уважали и презрительно называли ее «столовкой», а то и совсем грубо – «рыгаловкой».

Старшая сестра вернулась в «кабинет» к Боткину. Алексей Иванович заканчивал трапезу – жевал крекер и запивал чаем. Надежда Тимофеевна присела на краешек его койки (больше все равно было некуда, потому что на единственном стуле сидел сам Боткин), улыбнулась и сказала:

– Вы, Алексей Иванович, во время дежурств лучше бы на пищеблоке обедали. Там вкуснее, сытнее, еда настоящая, да и тратиться не надо. Мария Егоровна всегда накормит.

Боткин не удивился. Дожевал, проглотил, заговорщицки подмигнул Надежде Тимофеевне и сказал:

– Я все понимаю, Надежда Тимофеевна, дорогая моя. Пришел новый человек, никому не известный, в Москве никогда не работавший, как будто с неба свалился. Конечно же, надо его проверить, испытать, чтобы понять – можно ему доверять или нет…

От ласкового обращения «дорогая моя» Надежда Тимофеевна слегка растаяла и, потерявши нить, никак не могла понять, к чему клонит добрый доктор.

– …Я не обижаюсь, не подумайте, я все понимаю. Это как в магазине, когда приходит новый продавец, так старые его на честность проверяют – лишку денег оставят в кассе или что-нибудь из товара якобы не сосчитают. А сами смотрят – объявит или присвоит втихаря. В душу-то человеку не заглянешь, человек он в поступках раскрывается, это я к чему говорю? К тому, что насчет

меня вы можете быть спокойны – я никогда не позволю себе больных объедать, можно меня больше на эту тему не испытывать. Объедать больных вообще нехорошо, а в моей ситуации, при моей-то зарплате да бесплатных хоромах, – Алексей Иванович обвел «хоромы» рукой, словно предлагая Надежде Тимофеевне восхититься ими, – совсем позорно…

«Хоромы, – скептически подумала Надежда Тимофеевна. – Это ты, дружочек, комнату отдыха главного врача не видел. И его персональный санузел. Вот где хоромы! Мариотты с Хилтонами обзавидуются».

В Мариоттах и Хилтонах Надежда Тимофеевна никогда не бывала, а в комнате отдыха главного врача сподобилась побывать в прошлом году, когда помогала заведующей отделением нести подарок главному на день рождения – тяжеленную напольную вазу из оникса. Ваза была упакована в коробку, коробка запелената в яркую подарочную бумагу и туго перевязана толстым капроновым шнуром. От этого проклятого шнура у Надежды Тимофеевны неделю болели руки. Обе, потому что приходилось менять. Главный немедленно пожелал осмотреть подарок, остался настолько доволен, что не просто буркнул «спасибо», а похвалил, сказав: «Какая чудная финтифлюшечка!» Ничего себе «финтифлюшечка»! Двухпудовая! Купить вазу придумала Ольга Борисовна. Она же не может не соригинальничать. На двенадцать с гаком тысяч (собирали «по совести», пять плюс «гак» – с заведующей отделением, три – с Надежды Тимофеевны и с дежурных врачей по тысяче) можно было купить якобы антикварную серебряную безделицу или, скажем, роскошные серебряные или скромные золотые запонки. Запонки главный врач обожал настолько, что всегда выпускал манжеты из-под рукавов халата, чтобы запонки были на виду. Нет же – купила вазу. Но угодила, что да, то да, угодить Ольга Борисовна умеет. Поблагодарив, главный попросил отнести вазу в комнату отдыха и поставить в нее розы, которые для сохранности плавали в ванной. Надежда Тимофеевна как открыла рот, войдя в комнату отдыха, так с открытым ртом из нее и вышла. Огромный кожаный диван и два огромных, под стать, кресла, «плазма» во всю стену, на полу – ковер, в котором нога действительно утопает, как в траве… Да что там вспоминать, только душу травить. Хорошо живет главный врач, красиво, ну и работа у него ответственная. Хотя если вникнуть, то все дела тянут заместители – по медицинской части, по терапии, по хирургии, по акушерству и гинекологии, по клинико-экспертной работе – да главная медсестра. Ну и заместитель главного врача по экономическим вопросам Цехановская, без санкции которой ничего не покупается и не ремонтируется. Заместители всегда крайние, шишки достаются им, ну а лавры – главному врачу. Так положено.

– …Ну что, достигли мы взаимопонимания по этому вопросу?

Алексей Иванович улыбался, по вечному своему обыкновению, и хлопал глазами в ожидании ответа. Егоровна права – действительно Чудик. Решил, что его испытывать обедом собрались. Эх, милый, в Москве иначе испытывают. Является самотеком помятый мужичонка и просит за небольшую мзду госпитализировать его в кардиологию или в эндокринологию, да куда угодно, главное, чтобы показаний не было и деньги были предложены. А как только возьмешь, так врываются в кабинет оперативники, машут удостоверениями, приглашают понятых и оформляют как положено. Доктора Юкину в прошлом году за полторы тысячи на три года условно оформили, не повезло человеку.

– Достигли, – ответила Надежда Тимофеевна.

Она призадумалась, подыскивая подходящие слова, но в этот момент зашумела у входа каталка, послышались голоса, и доктор Боткин, оставив на столе недопитый чай, полупустую пачку крекеров и пластиковый лоточек из-под грибной лапши, поспешно вышел из кабинета. «Значит, не судьба», – решила Надежда Тимофеевна. Она, любопытства ради понюхала пустой лоточек из-под лапши (а вдруг вкусно пахнет?), поморщилась, потому что пахло наоборот – весьма невкусно, и ушла к заведующей отделением, посплетничать.

Письмо матери

«Здравствуй, мама!

Зря ты, конечно, не хочешь разговаривать по телефону. Это совсем недорого. Я уже успел изучить московские тарифы и понял, что звонки в Мышкин стоят очень недорого, рублей в шестьдесят-семьдесят можно всласть наговориться. Междугородные разговоры и мобильная связь в наше время сильно подешевели, минута нашего разговора стоит около двух рублей. Это я тебя не уговариваю, а просто объясняю, как и что, чтобы ты была в курсе. Только, пожалуйста, когда я позвоню в следующий раз, не начинай сразу кричать, чтобы я не тратил деньги, а выслушай меня. А еще лучше было бы освоить компьютер. В этом нет ничего сложного, поверь мне. Лариса Терентьевна на что уж старше тебя, а с внуком Димой переговаривается по скайпу, и видят они друг друга как в телевизоре.

Компьютер мой все равно без дела стоит, хочешь, я попрошу кого-нибудь, чтобы тебя научили им пользоваться и к Интернету подключили снова, а то я перед отъездом отключился за ненадобностью. Тогда бы мы каждый вечер смогли бы общаться, новости друг другу рассказывать. Мне для этого ни на что тратиться не придется – у меня казенный компьютер на работе стоит с безлимитным Интернетом, а твой расход на Интернет нас не разорит. Это очень большое удобство. Ты подумай.

Но это я, мама, так, к слову, ты не подумай, пожалуйста, что мне жалко времени на то, чтобы письмо тебе написать. У писем, конечно, есть свои преимущества – их перечитывать можно. Да и когда пишешь – с мыслями собираешься, гладко все выходит, не сумбурно. И если что-то забыл, то всегда дописать можно.

Так и вижу, как ты строго хмуришься и говоришь: «А ну, Леша, кончай свою агитацию!» Заканчиваю агитацию и перехожу к новостям.

По телефону я успел сказать только то, что нашел жилье и работу, то есть сначала работу, а потом жилье. Ты, мама, не поверишь, но повезло мне невероятно – не успел приехать в Москву, как встретил хороших людей, да еще каких! Напрасно ты беспокоилась и пересказывала мне страшилки из телевизора. Страшилки – это одно, а жизнь – другое. Сразу же по приезде я, как и собирался, отправился в шестьдесят пятую больницу, которая в списке моем стояла на первом месте как крупный многопрофильный стационар, в котором и места должны быть, и работать интереснее. Забегая вперед, скажу, что только сейчас я понял, что засиделся дома. Наш Мышкин был и остается для меня лучшим местом на свете, но для врача, который хочет стать настоящим врачом, очень полезно поработать в таком месте, как больница, в которой я сейчас работаю. Тут все по-другому и ритм жизни другой. Одним словом – Москва. Больница, в которой я работаю, рассчитана на тысячу двести восемьдесят коек, представляешь? Если еще и сотрудников сосчитать, да кафедры, то выйдет половина нашего Мышкина. А какие здесь возможности! Есть даже компьютерный томограф последнего поколения. Это тот самый «ящик», в который команда доктора Хауса «запихивает» пациентов, как выражаетесь вы с Ларисой Терентьевной. Аппарат новейший, он позволяет проводить исследование всего организма и пропускает в день тридцать человек, по полчаса на каждого. А еще здесь есть современная ангиографическая установка, которая позволяет исследовать сосуды, и магнитно-резонансный томограф. Компьютерный томограф – это рентгеновское излучение, а магнитный, как видно из названия, действует по принципу магнитного поля. Это

я так, мама, для сведения, чтобы ты была в курсе.

Пришел я, значит, к заместителю главного врача Виктории Васильевне, которая ведает приемом врачей на работу, рассказал о себе и сразу же получил место в приемном отделении. И не только место, мама, но и жилье. Я ведь сглупил, думал, что в Москве квартиры снимаются так же, как у нас в Мышкине, – заплатил за месяц, прожил, опять заплатил. Как бы не так! Оказывается, что в Москве положено платить вперед за три месяца и еще агенту комиссионные выдавать в размере месячной квартплаты! Представляешь?! Пятнадцать тысяч только за то, что свел хозяина с квартирантом! И это в том случае, если снимается комната. А если трехкомнатная квартира? Бешеные деньги! Здесь, наверное, половина народу агентами и работает. Я бы, конечно, не смог бы. И не столько потому, мама, что я медицину люблю, а потому, что совесть меня замучила бы. Ну, возьми ты себе за труды рублей триста, ну – пятьсот, ведь дело-то не трудное, пустячное, можно сказать, дело. А они – месячную квартплату берут. И так, мама, эти агенты смогли себя поставить, что без них в Москве дела не делаются. Я когда узнал об этом, то сильно расстроился, потому что, как ты знаешь, было у меня при себе всего двадцать тысяч рублей, а надо, получается, шестьдесят. Но заместитель главного врача Виктория Васильевна увидела, что я расстроился, и вошла в положение. Я, если честно, никогда бы не поверил, если бы мне кто-то о чем-то таком рассказал. Предложила она мне жить при больнице, дали мне комнату отдельную прямо в том отделении, где я работаю, и ни копейки с меня за это не берут. Даже чайник электрический выдали в пользование! Получается, что кроме еды (ты, мама, не волнуйся, питаюсь я регулярно, вчера даже плитку себе купил маленькую, чтобы готовить можно было), так вот, кроме еды, я трачусь только на прачечную, потому что мелочишку сам стираю, а крупные вещи, джинсы, например, приходится сдавать. Но это недорого. за жилье я не плачу, на транспорт не трачусь, так что на стирку вещей можно и потратиться. Но за деньги я стираю только свое, рабочую одежду я в больничную прачечную сдаю, как положено.
В ординаторской есть телевизор и холодильник с микроволновой печью, которыми я пользуюсь постоянно, а не только тогда, когда дежурю, мне разрешили. Потому не волнуйся за меня – быт мой устроен наилучшим образом, я, если честно, и не надеялся так устроиться. Только попрошу тебя, никому, даже Ларисе Терентьевне, о том, что я живу в больнице, не рассказывать. Это ведь не разрешается правилами, для меня добрые люди исключение сделали, нехорошо будет, если им за это попадет. А молва пойдет, так куда не надо дойдет, поэтому лучше никому не рассказывать. Говори, что снял Леша комнату рядом с больницей – и все.

Люди в больнице хорошие, ты же знаешь, мне по жизни везет на хороших людей, уж не знаю и почему. Начальница моя, Ольга Борисовна, при знакомстве мне не очень понравилась, потому что разговаривала как-то сухо и недолго, но потом я узнал, что она была после дежурства, а когда ты после суточного дежурства, да еще такого беспокойного, как здесь, не уходишь домой, а остаешься на день работать за заведующую, то тебе будет не до разговоров. А я-то чуть было плохо о ней не подумал, недаром ты меня всегда за торопливость ругаешь. Ольга Борисовна строгая, конечно, но ей и положено быть строгой, по должности. Но всегда посоветует, разрешила ей хоть ночью домой звонить, если какая проблема. Я, конечно, не злоупотребляю, но приятно чувствовать поддержку от руководства, особенно мне, только начинающему работать в Москве. Старшая сестра Надежда Тимофеевна держится попроще, с ней, несмотря на разницу в возрасте, она примерно твоих лет, я общаюсь чаще. Она, можно сказать, меня опекает. Очень хорошая женщина, как-нибудь при случае приглашу ее с семейством отдохнуть летом у нас в Мышкине, думаю, что ты будешь не против.

С коллегами моими, врачами приемного отделения, отношения складываются хорошие, правда, насчет доктора Колбина меня Надежда Тимофеевна предупредила, чтобы я не вздумал ему денег одалживать. Есть за ним такой грех – вовремя долги не отдавать. А так все нормально. Медсестры, правда, здесь не чета нашим – языкатые, ты им слово, они тебе три. Но в Москве вообще все языкатые, видела бы ты, мама, некоторых больных. Такие попадаются, что не знаешь, как к ним подступиться. Но я в таких случаях действую прямо – давайте, говорю, знакомиться, меня Алексеем Ивановичем зовут, а вас как? Чтобы не в бумажке прочесть имя-отчество, а так вот, по-человечески познакомиться. От этого даже самые строгие сразу же оттаивают, и общий язык с ними найти становится легче. В Мышкине нашем один темп жизни, в Москве – другой, у нас суеты меньше, здесь – больше, а люди, мама, везде одни и те же, преимущественно хорошие. Не очень хорошие тоже попадаются, так, один пациент, которого «Скорая помощь» привезла, начал буянить и ругать нас с медсестрой такими словами, которые и на рынке не каждый день услышишь. Мы его урезонить пытались, но он не внял. Тогда пришлось пригласить охранника. Пришло сразу двое, скандалист сразу притих и дал себя осмотреть. Потом еще и извинился за такое поведение. Я так понял, что он вроде Бориса-телевизионщика, пока трезвый – золото-человек, как выпьет – совсем наоборот.

Не успел пока познакомиться с главным врачом, только издалека его видел. Худой, высокий, шевелюра роскошная – на композитора или художника похож. Он человек очень занятой, в повседневные дела не вникает, решает глобальные

вопросы. Для повседневных дел есть заместители. У главного врача очень интересная фамилия – Перов-Вяткин. Никогда такой не слышал и вообще нигде не встречал.

В этом месяце я дежурю сутки через двое, вхожу в рабочий ритм. Сутки через двое – это полторы ставки, десять суточных дежурств в месяц. Я до конца не разобрался в расчетах, ты, мама, прекрасно знаешь, что бухгалтера из меня никогда бы не вышло, но на полторы ставки с ночными и надбавками за минусом подоходного налога в месяц должно выходить не меньше пятидесяти тысяч рублей. А в больнице еще и премии регулярно платят, если нет жалоб и нареканий. В следующем месяце я планирую поменяться дежурствами так, чтобы выкроить подряд хотя бы пять дней, и тогда приеду. Пока же звони мне, я как увижу, что это ты звонишь, звонок сброшу и перезвоню сам, потому что так выгоднее. Или пиши мне по адресу: «129323, Москва, ул. Ленинская, д. 51, ГКБ № 65, приемное отделение». ГКБ – это городская клиническая больница, есть ЦРБ, а есть ГКБ.

С Москвой я уже успел немного познакомиться, но в центр еще не выбирался. Один день посвятил изучению окрестностей, чтобы знать, что и как. В другой день ездил гулять в парк Лосиный Остров, он тут неподалеку, потянуло в тишине под деревьями побродить. На третий день собрался погулять на ВВЦ, но дотуда не доехал, потому что на полдороге решил осмотреть самый крупный в Европе торговый центр. Интересно же. Центр и впрямь оказался громаднейшим – едва ли не с Мышкин размером (это я немного преувеличиваю для красного словца). А на входе стоит огромный динозавр, рычит, башкой своей машет. Игрушка, конечно, электроника, но так натурально сделано, будто живой, очень впечатляет. А как поднимешься по эскалатору – другой стоит, поменьше. Взрослые улыбаются, а дети так прямо визжат от восторга. Начал я ходить, смотреть, чем в Москве торгуют, да так до вечера и проходил. Не знаю, уместно ли сравнивать, но для меня это было что-то вроде посещения Эрмитажа. Такой же большой музей. Около музыкальных центров простоял битый час, продавец три раза ко мне подходил, интересовался, чем может быть полезен. Понравился мне один центр настолько, что глаз не оторвать, сразу видно – стоящая аппаратура, не подделка какая-нибудь. На таком хоть классику слушай, хоть джаз – одинаково здорово будет. Но и цена о-го-го какая – тридцать четыре с половиной тысячи рублей! Вова Постричев называет такое: «Облизнись и топай дальше». Так я и сделал – облизнулся и потопал. А когда закончил свою «экскурсию», то пошел в кино. Здесь же, в торговом центре, есть кинотеатр, да не на один, а на несколько залов. Кресла оказались такими удобными, что я как сел, так сразу и заснул и проспал весь фильм, драму о сложных человеческих

взаимоотношениях. Устал ходить, да и дежурил накануне – вот и сморило меня. Надо было идти смотреть комедию, потому что там бы долго спать не дали – смехом бы разбудили. Ты только не подумай, что я так устаю, что на ходу засыпаю, а то знаю я тебя – навыдумываешь и начнешь себя накручивать. От такого поведения ничего, кроме гипертонического криза, не будет, так что лучше не начинать. Я в полном порядке, чего и тебе желаю. И не забывай пить таблетки, даром, что ли, я тебе по всему дому памяток поразвешивал.

Чуть было не забыл – в этом торговом центре столкнулся нос к носу с моим однокурсником Мишей Курочкиным из Рыбинска. Ты его должна помнить – он гостил у нас пару раз. Не тот Миша, который в очках, а тот, который то и дело говорит «елки мои лопатки». Теперь, думаю, точно вспомнила. Курочкин, оказывается, уже третий год живет в Москве, работает не где-нибудь, а в Институте имени Склифосовского, в реанимации. Жену с сыном тоже в Москву перетянул, снимают однокомнатную квартиру в Медведково, это недалеко от нашей больницы. Сыну Курочкина уже восемь лет, во второй класс ходит, любит рисовать. А жена у него – логистик, занимается тем, что организует и контролирует перевозки. Зарабатывает больше Курочкина, он сам сказал, а деталями я не интересовался, потому что неудобно. Обменялись мы с ним телефонами, как-нибудь надо время выкроить – в гости сходить, он приглашал. Даже собрался с какой-то подругой жены познакомить, которую стал нахваливать, но ты же знаешь, как я отношусь к таким предложениям. До сих пор забыть не могу, как Елизавета Ивановна позвала меня якобы измерить ей давление, а на самом деле познакомила с племянницей из города Подольска. Было очень неловко и мне, и племяннице Ирине, как будто мы участвуем в каком-то дурацком спектакле, а зачем участвуем – непонятно. Ясно, что Елизавета Ивановна хлопотала из лучших побуждений и племянница у нее очень симпатичная, но взрослые люди в таком деликатном вопросе способны обходиться без посторонней помощи. Я Курочкину так и сказал, что в гости приду с удовольствием, но в домашней постановке спектакля «Ханума»[4 - «Ханума» – музыкальный спектакль Ленинградского Большого драматического театра, поставленный режиссером Георгием Товстоноговым в 1972 году по мотивам классического водевиля А. Цагарели, рассказывающего о соперничестве двух свах.] участвовать не стану. Курочкин, кажется, понял. Приглашал еще как-нибудь на работу к нему заскочить – посмотреть Склиф, как здесь называют Институт имени Склифосовского. Но я ответил, что с этим подожду – сначала свою больницу толком рассмотрю, а уж потом – другие, чтобы иметь возможность сравнивать. У нас, в шестьдесят пятой больнице, десять корпусов, причем первый корпус – роддом, а последний, десятый, – патанатомия, по-простому – морг. Некоторые шутят, что больница похожа на жизненный

цикл – от рождения до смерти. Ты, может, не поверишь, мама, но здесь даже вертолетная площадка есть на территории, прямо напротив седьмого корпуса, в котором находится архив. В Москве же, мама, пробки на дорогах ужасные, иногда приходится на вертолетах пострадавших доставлять. Я, правда, пока еще ни разу вертолета не видел, ну и хорошо, что они каждый день не летают, значит, ничего не случается.

В следующий выходной хочу все-таки выбраться в центр и записаться в государственную библиотеку, бывшую Ленинку. У Шуры Назаровой там работает двоюродная сестра, которая обещала посодействовать, чтобы меня допустили к работе с рукописями и редкими книгами. Представляю, как ты улыбаешься и качаешь головой, когда читаешь эти строки, мол, Леша опять за свое, но я человек упертый и что решил, то непременно сделаю. Тем более что, живя в Москве, вести поиски проще. Большинство архивов где собраны? В Москве. То-то же и оно. Как-нибудь схожу в Боткинскую больницу и непременно сфотографируюсь у бюста Сергея Петровича. Ну хочется мне иметь такую фотографию, и все!

А насчет компьютера ты все-таки подумай, мама. Это очень удобно.

На этом заканчиваю, а то, боюсь, письмо в конверт не влезет, придется бандеролью отправлять. Будь здорова, не скучай, если что, так звони сразу, телефон всегда при мне, и днем и ночью.

Целую, обнимаю, до скорой встречи.

Алексей.

PS. Не успел конверт заклеить, как мне одна из медсестер пирожки принесла с мясом и картошкой. Домашние, вкуснющие, ну почти как твои. Про медсестер и врачей наших в одном из следующих писем напишу подробно, а то это действительно придется бандеролью отправлять».

Диверсант

– Город у нас маленький, но не захолустный. Захолустным он и изначально не был. Печатное дело, далеко не провинциальный театр, богатейшая библиотека, метеостанция, чуть ли не первый в Российской империи футбольный клуб, оживленная торговля. Можно сказать, что от Москвы наш Мышкин отличается лишь тем, что стоит не на семи, а на шести холмах. Было, правда, времечко, когда звался наш город то селом, то поселком, но было, да прошло. Сейчас у нас – ренессанс! Туристы, музеи… По музеям, того и гляди, с Москвой сравняемся. Ну это я загнул, конечно, ведь в Москве музеев больше, чем у нас жителей. Нас-то, мышкинцев, всего-навсего шесть тысяч… А вы знаете, почему Мышкин называется Мышкиным? Согласно легенде, князь Федор Мстиславский в одна тысяча пятьсот тридцатом году умаялся в дороге да прилег отдохнуть на бережку. Только уснул, как прямо по его бороде вдруг пробежала мышь. Князь проснулся, глядит – а рядом змея, уже к броску готовится, ужалить хочет. Змею он мечом разрубил, а в знак признательности неизвестной мыши повелел заложить на этом месте город, который назвал Мышкиным…

То, что заговаривать с доктором Боткиным о его родном городе не стоит, в шестьдесят пятой больнице поняли быстро. Стоит только сказать нечто вроде: «а-а, Мышкин, слышал, слышал…», как Боткин воодушевится и начнет рассказывать. Подробно, обстоятельно, нескончаемо.

– А в семнадцатом и восемнадцатом веках Мышкин звали столицей лоцманов, поскольку лоцманский промысел был тогда чуть ли не главным занятием мышкинцев. Здесь жили лучшие волжские лоцманы, водившие суда от верховья и до Каспия…

Только поступление нового больного могло заставить Боткина прервать рассказ и заняться делом. Тем же, кого дернула нелегкая заговорить с Алексеем Ивановичем про Мышкин в его выходной, приходилось нелегко. Увлеченный человек может говорить о своем увлечении сколь угодно долго, искренне заблуждаясь насчет того, что все, интересное ему, должно быть интересно и всем другим.

Также не рекомендовалось интересоваться, имеет ли Алексей Иванович какое-либо отношение к знаменитому семейству Боткиных. Алесей Иванович смущенно улыбался, пожимал плечами, говорил, что хотелось бы, конечно, но данных пока обнаружить не удалось, зато, занимаясь историческими изысканиями, он узнал много интересного, вот, например…

– Очень долго считалось, что баснописец Крылов умер от кишечной непроходимости после того, как объелся блинами. Эта причина смерти указывалась во многих его биографиях, хотя на самом деле Крылов умер от отека легких на фоне пневмонии, что засвидетельствовано его лечащим врачом, доктором Галлером. А версия с перееданием не то возникла потому, что умер Крылов в доходном доме некоего Блинова (подхватили, да пока несли, переиначили), не то была высказана в качестве предположения при дворе Николая Первого…

Алексей Иванович, будучи человеком открытым и бесхитростным, рассказывал и о том, что некоторые скептики из числа мышкинских старожилов якобы слышали от своих отцов и дедов, что его фамилия Боткин есть не что иное, как неграмотная трансформация фамилии «Ботинкин». Дескать малограмотный коммунистический чиновник в двадцатые годы прошлого века, выдавая паспорт прадеду Алексея Ивановича, пропустил в его фамилии две буквы – «и» и «н».

– Но эта версия не выдерживает никакой критики, – кипятился Боткин, – потому что ни в одном архиве я не нашел подтверждения тому, что в Мышкине когда-то жили Ботинкины. Башмачкины были, даже один Акакий среди них нашелся, представляете? Сапожковы были, купцы, а Ботинкиных не было. Про Боткиных, правда, тоже никакого упоминания, но это как раз соответствует моей собственной версии…

Собственную версию Алексей Иванович излагал настолько сбивчиво, что ее никто не понимал. Впрочем, никто ее и до конца так и не дослушал.

Но свой «пунктик» есть у каждого человека, поэтому к краеведческо-историческому энтузиазму доктора Боткина в шестьдесят пятой клинической больнице отнеслись с пониманием. Другие в разговоре сразу же начинают собеседников собственными проблемами грузить, а этот хоть что-то интересное рассказывает…

На третьем дежурстве доктор Боткин заработал вторую кличку – Диверсант.

Упрощая и обобщая, врача приемного отделения можно сравнить с диспетчером, который принимает пациентов и распределяет их по больнице. Или отказывает в приеме. Распределять надо правильно, соответственно диагнозу и состоянию. Диабетика – в эндокринологию, «сердечника» – в кардиологию, пациента с

аппендицитом – в абдоминальную хирургию, а не пойми кого – в терапию, там разберутся.

Помимо официальных правил существуют и неофициальные. Прием пациентов – дело тонкое, деликатное. Бывает так, что пациент стремится попасть в конкретное отделение да еще и в палату к конкретному врачу, где как раз сегодня освобождается местечко, то есть койка. Иногда намерения пациента, полностью поддерживаемые врачом, собирающимся его лечить, не подкреплены соответствующими показаниями, и тогда все зависит от доброй воли врача приемного покоя. А иногда вообще показаний нет, а госпитализировать человека надо. Иногда просто надо подержать бабушку пару недель в больнице, чтобы дети с внуками получили возможность спокойно съездить на море. Иногда надо создать у молодого человека «зацепочку», уцепившись за которую он может получить вожделенное освобождение от армии. Иногда надо уложить в свое отделение подругу и быстро обследовать ее, чтобы узнать причину регулярных головных болей или еще какого-то дискомфорта. Иногда просто не хочется выпускать из своих рук «жирного гуся», то есть платежеспособного больного. Пусть лежит «не по профилю», консультантов к нему можно хоть каждый день приглашать. Ну мало ли какие возникают обстоятельства, всех не перечислить, да и незачем – роль врача приемного отделения и так понятна. И почему повсюду, во всех стационарах, независимо от их ведомственной принадлежности, принято дружить с приемным отделением так же, как и с патологоанатомическим, тоже понятно (про патологоанатомическое отделение еще будет сказано).

Инструктируя доктора Боткина, Ольга Борисовна особо в подробности не вдавалась. Во-первых, не студент перед ней сидел, а опытный врач со стажем. Пусть и не из Москвы, но правила везде одинаковые, как гласные, так и негласные. Во-вторых, Ольга Борисовна считала, что открывать перед новичком всю больничную «кухню» следует не сразу, а постепенно. Может, он отдежурит одно дежурство и уволится, чего ради спешить посвящать во все тайны? Страхуясь от неприятных сюрпризов, она несколько раз повторила, что в случае возникновения мельчайших проблем доктор Боткин может не стесняясь звонить ей в любое время дня и ночи, а уж она подскажет правильное решение.

Ольга Борисовна не преувеличивала. Она так страстно хотела выбиться в главные врачи, что подчинила всю свою жизнь карьере. Случалось, что ей звонили с работы в самые что ни на есть неподходящие моменты. Ольга Борисовна просила партнера остановиться и отвечала на звонок. Партнеры на

это реагировали плохо, особенно если минут через пять Ольге Борисовне перезванивали с уточнениями, но она брала мобильный и спокойно отвечала на вопрос или на вопросы. Если любовник раздражался, он переходил в разряд бывших, потому что любовника найти не так уж и сложно, это не муж, а работа, то есть карьера, – это святое. Ольга Борисовна всегда отвечала спокойно, без раздражения, даже если вопросы были дурацкими, и никогда не пеняла на то, что ее зря побеспокоили. Лучше уж пусть побеспокоят десять раз, когда не надо, чем не побеспокоят один раз, когда надо. Заведуя отделением, особенно приемным, особенно в такой большой больнице, как шестьдесят пятая, надо круглосуточно держать руку на пульсе, иначе долго не прозаведуешь. Заведующим отделениями, в отличие от главных врачей, заместителей не полагается, вот и приходится им делать все самостоятельно.

Кардиолог Введенская явилась к Ольге Борисовне с самого ранья, еще до отделенческой пятиминутки. Ольга Борисовна, как и положено жаворонку, приходившая на работу ни свет ни заря, пила кофе и просматривала суточную сводку, так называемое «движение по больнице», подготовленную Надеждой Тимофеевной.

– Что надо? – вместо приветствия поинтересовалась Ольга Борисовна.

– Оля, к вам сегодня по «Скорой» во второй половине дня поступит мальчик, – также проигнорировав приветствие, начала Введенская, потому что времени было в обрез – вот-вот начинались пятиминутки в отделениях. – Семнадцать лет, фамилия Савченко, привезут его скорее всего с пневмонией, но положить его надо ко мне. В триста шестой палате будет место…

Семнадцать лет, скорее всего с пневмонией… Ясное дело – призывник старается откосить. Если сразу же начать симулировать что-то кардиологическое, то «Скорая помощь», вероятнее всего, госпитализирует прямиком в кардиологическую реанимацию, откуда больные попадают в отделение неотложной кардиологии. А Введенская работает в «обычной» кардиологии, в которую преимущественно госпитализируются планово, по направлениям поликлиник или же переводятся из других отделений. Такого «перспективного» клиента, как желающий откосить от армии призывник, неотложная кардиология из рук не выпустит, а поликлиника молодому человеку, не имеющему показаний, вряд ли выдаст направление на плановую госпитализацию. Вот и приходится Введенской изворачиваться, чтобы положить к себе клиента при полном соблюдении правил. Со «Скорой», положим, не очень сложно договориться,

главное, чтобы в приемном отделении не развернули или не запихнули бы в терапию. Как положить пневмонию в кардиологию? Да очень просто – заподозрить при приеме какую-нибудь кардиологическую патологию (попросту говоря – высосать ее из пальца), указать в диагнозе под вопросом, и вперед, с песнями!

– Наши медсестры будут в курсе. – Введенская положила на стол перед Ольгой Борисовной пятитысячную купюру.

– Сделаем! – пообещала Ольга Борисовна, смахивая купюру в верхний ящик стола, любовно называемый «копилочкой».

Сегодня в копилочке еще ничего не было. Ну, с почином! Как говорится, доброе начало сулит хорошее завершение.

– Верю и надеюсь, – улыбнулась Введеская и ушла.

В дверь потянулись сотрудники – старая смена, новая смена, старшая медсестра, сестра-хозяйка…

Попросив Боткина задержаться, Ольга Борисовна сказала:

– Алексей Иванович, сегодня должен поступить по «Скорой» молодой человек семнадцати лет по фамилии Савченко. Его надо положить в кардиологию. Не в неотложную, а в «простую». Запишите – Савченко.

Этого достаточно. Больше дежурному врачу знать не положено. И делиться с ним нечего – еще разбалуется.

– Я запомню, Ольга Борисовна, – улыбнулся Боткин. – На память не жалуюсь, тем более что фамилия знакомая. У нас в Мышкине хирургией заведовал Савченко Сергей Иванович.

– Освоились уже немного?

– Вошел в ритм, – еще шире улыбнулся Боткин. – Все нормально, Ольга Борисовна.

«Да он просто экстрасенс какой-то! – восхищалась медсестра Алина после первого же дежурства с Боткиным. – Только взглянет на больного, и все ему ясно!» Если Алина и преувеличивала, то не намного. Живя в Мышкине, вдали от компьютерных томографов, суперсовременных лабораторий и маститых консультантов, Алексей Иванович привык полагаться на собственные глаза, собственные уши, собственные руки и, главное, на собственные мозги. Ничего, пока они его еще не подводили.

– Рада за вас. – Ольга Борисовна заставила себя улыбнуться.

На самом деле Ольге Борисовне было все равно. Не освоился – найдется другой врач. Сколько их уже прошло на ее памяти… Текучесть кадров в приемном отделении была впечатляющей, но всякий раз на свободное место вскоре находился кто-то еще. А некоторые, как, например, доктор Колбин, «прирабатывались» и оседали надолго. Все зависит от настроя. Если, к примеру, врач не склонен лечить или заниматься какими-то обследованиями, но тем не менее расставаться с медициной не собирается, то приемное отделение как раз по нему. Как выражался Колбин едва ли не при каждой сдаче дежурства: «Всех распихал – и на свободу с чистой совестью».

Алексей Иванович принял ее слова за чистую монету. Улыбнулся еще шире и нарвался на вопрос:

– Скажите, пожалуйста, Алексей Иванович, а почему вы все время улыбаетесь? Прямо как продавец в бутике.

– Разве это плохо? – смутился Боткин. – Наоборот – располагает к общению… Но я не притворяюсь и не специально. Это просто характер у меня такой, улыбчивый… Можно сказать, врожденное качество.

– Неплохо, – Ольга Борисовна пожала плечами. – Странно как-то. Непривычно. Контакту улыбка, может, и способствует, но впечатление о вас может сложиться несерьезное. О человеке судят…

– О человеке, Ольга Борисовна, лучше судить не по улыбкам, а по делам. – Алексей Иванович не только перебил начальницу, но и мягкость из его голоса куда-то исчезла. – А мне меняться поздно, не мальчик уже, четвертый десяток

пошел.

«Да ты, оказывается, с характером!» – удивилась Ольга Борисовна и посмотрела на Боткина, которого до сих пор считала простоватым дурачком, как-то по-новому, едва ли не уважительно. Так вот ты какой, северный олень!

Боткин ушел, а она все сидела, переживая полученное впечатление. Наконец тряхнула головой, отгоняя неуместные рабочим утром мысли, и отправилась на больничную пятиминутку.

Перед тем как уйти домой, Ольга Борисовна заглянула в смотровой кабинет к Боткину.

– Не поступал? – спросила она, не называя фамилии, потому что Алексей Иванович был не один, а в компании медсестры и очередной поступившей.

– Нет, – ответил Боткин, сразу же поняв, кого имеет в виду заведующая отделением.

Понять было нетрудно, поскольку ни о ком другом, кроме молодого человека Савченко, разговоров сегодня не велось.

Савченко привезли в половине шестого. Юный, розовощекий, упитанный немного сверх меры, он пришел в смотровую сам, не на каталке привезли, уселся на краешек кушетки и скромно стал ждать, пока врач «Скорой помощи» «сдаст» его дежурному врачу приемного покоя.

По тому, как бегали глазки немолодого круглолицего скоропомощника, было ясно, что в диагнозе острой двусторонней нижнедолевой пневмониии, выставленной под вопросом, правдив только знак вопроса. Боткин тем не менее после быстрого, но тщательного осмотра пациента «расписался в получении», а затем назначил тому анализы, рентген легких и консультацию хирурга. В любом приемном отделении есть несколько палат, предназначенных для больных, ожидающих перевода в другой стационар (например, привезла «Скорая помощь» пациента с аппендицитом, а оказалось, что это не аппендицит, а дизентерия) или проходящих срочное обследование для решения вопроса о госпитализации или уточнения диагноза. Туда пока и определили Савченко.

В палате Алексей Иванович пообщался с пациентом пообстоятельнее и убедился в том, что тот врет как сивый мерин. Заучив кое-какие жалобы, Савченко путался и сбивался, стоило копнуть чуть глубже, и снова начинал твердить про одышку. И студент пятого курса догадался бы, что перед ним симулянт, причем довольно неумелый. Или нерадивый, что, в общем-то, то же самое.

Пока Алексей Иванович ходил на кухню снимать пробу ужина (рыбная котлета с отварными макаронами), Савченко сводили в рентгенкабинет и показали хирургу. Рентгенограмма органов грудной клетки никакой патологии не показала, хирург ничего своего не нашел. Получив из лаборатории анализы (дай бог каждому такие хорошие анализы!), Алексей Иванович констатировал, что Савченко практически здоров, и отказался его госпитализировать, о чем и сделал запись в неуспевшей растолстеть истории болезни. Да, и на таких вот симулянтов положено заводить истории болезни, иначе куда врачи станут записи делать, а медсестры анализы вклеивать?

Выдавая Савченко справку, удостоверяющую факт его доставки, обследования и отсутствия показаний для госпитализации, Алексей Иванович поинтересовался, есть ли у несостоявшегося пациента деньги на дорогу домой, и сказал, что при желании тот может подождать в приемном отделении, пока за ним кто-либо приедет. Савченко отказался и ушел, даже не поблагодарив за столь внимательное отношение. Другой врач просто бы посоветовал ему валить на все четыре стороны, да поскорее.

Звонить заведующей и докладывать про то, что Савченко оказался симулянтом, Алексей Иванович не стал. Зачем? Какая срочность? Вполне можно и завтра сказать, не пожар.

Это была первая половина истории с госпитализацией в кардиологию. Вторая половина последовала спустя час, сразу же после того, как Алексей Иванович вкусно поужинал двумя черствыми коржиками, оставшимися с завтрака. С чего бы вдруг черствыми, да вкусно? Да с того, что если между завтраком и ужином не случается обеда, то ужин в любом случае окажется и покажется вкусным. Итак, едва Алексей Иванович отужинал, как «Скорая помощь» привезла ему «подарок» – вонючего и грязнущего бомжа, ко всеобщему удивлению, не отягощенного ни вшивостью, ни чесоткой.

– Под Северянинским мостом взяли, – сообщил врач «Скорой». – Двусторонняя пневмония. Документов – ноль. Центр дал к вам.

«Дал к вам» – это общеупотребительное сокращение от «диспетчер Центра дал место на госпитализацию в вашей больнице».

Принимая бомжа, Алексей Иванович, сам того не зная, нарушил ритуал, согласно которому следовало, во-первых, скривиться и поинтересоваться: «А на хрена вы его к нам привезли?», во-вторых, напомнить бригаде, что для «такого вот контингента» есть в Москве тридцать шестая больница, что в Измайлово, а в-третьих, долго и придирчиво расспрашивать бомжа насчет поноса, в надежде отпихнуть его в инфекционную больницу. Именно «отпихнуть», а не спихнуть, потому что для того, чтобы спихнуть, нужно сначала принять, а отпихивают как раз не принимая. Врач «Скорой помощи» даже решил, что Алексей Иванович находится под воздействием какого-то улучшающего настроение препарата, потому что спиртным от него не пахло.

Бомж, как уже говорилось, был грязен. Грязных в отделения не кладут, поэтому Алексей Иванович распорядился насчет мытья. Помог пожилой коренастой санитарке Губайдуллиной загрузить бомжа в ванну и возмутился, увидев, как та берет из стоящего в углу ведра туалетный ершик на длинной ручке.

– Фаина Фаритовна, что это такое?

– Ершик, Лексейваныч, – ответила коренная москвичка в седьмом поколении, удивляясь тому, что в городе Мышкине Ярославской губернии не видывали туалетных ершиков. – Мыть его буду.

– Ершиком?! – изумился Боткин, словно не веря своим глазам.

– А чем же еще? – в свою очередь удивилась Губайдуллина. – Не мочалкой же!

– Почему?

– Потому что я к нему подходить очень близко не собираюсь – он воняет!

– Ну и что же? – Алексей Иванович пожал плечами и мягко укорил: – Если вы, Фаина Фаритовна, к запахам столь чувствительны, то зачем в медицину пошли? В медицине настурциями не пахнет.

Затем случилось нечто такое, что сразу же вошло в анналы (читателей, многозначительно заулыбавшихся после прочтения последнего предложения, автор убедительно просит заглянуть в словарь, чтобы узнать, чем анал отличается от анналов).

– Я глазам своим не поверила – думала, сплю! – рассказывала Губайдуллина. – Лексейваныч фартук надел, перчатки надел, в одну руку мочалку взял, в другую мыла кусок и начал этого бомжару мыть! Моет и говорит: «Ершик – для унитаза, мочалка – для человека, все надо делать правильно, тогда все будет хорошо». А бомжара сидит и кайфует, так ему хорошо!

– Врешь! – не верили слушатели.

– Здоровьем своим клянусь – все так и было! – отвечала Губайдуллина. – До пояса Лексейваныч его мыл, а потом я домывала.

– Самое интересное тебе досталось! – подкалывали шутники.

Губайдуллина морщилась и фыркала, давая понять, что ничего интересного она не увидела, и объясняла:

– «Скорая» приехала, Лексейваныч принимать пошел.

Отмытого и заметно посвежевшего бомжа одели в больничную пижаму, выдали шлепанцы, доктор подверг его доскональному осмотру, особо долго выслушивал сердце, поинтересовался, не было ли когда ревматизма, попросил медсестру снять кардиограмму, а затем отправил на рентген за «фотографией» органов грудной клетки. В результате диагноз пневмонии был снят, а вместо него появился диагноз недостаточности митрального клапана, сопровождающейся недостаточностью кровообращения. Фоном пошел хронический бронхит в стадии обострения.

– В кардиологию его, Татьяна Валентиновна! – распорядился Боткин, отдавая медсестре заполненную историю болезни.

К среднему и младшему медицинскому персоналу Алексей Иванович неизменно обращался на «вы» и по имени-отчеству. Персоналу это нравилось.

«Уважительный», – одобрительно говорили про Боткина.

Медсестра мигнула санитарке, чтобы та вывезла коляску с пациентом в коридор, и, оставшись наедине с доктором, сказала:

– Алексей Иванович, у нас не очень принято класть кого попало в кардиологию. Бомжей мы обычно направляем в терапию.

– Но там же порок, сердечная недостаточность, – ответил Боткин, – и ревматизм он отрицает. Надо разбираться. В кардиологии разберутся скорее и точнее, чем в терапии. Их профиль.

Другой бы доктор прикрикнул: «Везите, куда сказано!», а Боткин вежливо объяснил мотивы своего решения. Медсестра не собиралась злоупотреблять его вежливостью и его терпением, но все же сказала:

– Ой, что завтра будет…

– «Ой что» мы как-нибудь переживем, – заверил Алексей Иванович. – Я всем объясню на пятиминутке, не беспокойтесь.

Дежурные медсестры кардиологического отделения, ожидавшие совсем другого пациента, попытались было отправить Губайдуллину с пациентом обратно, но у них ничего не вышло. Губайдуллина завела каталку в триста шестую палату, остановила около свободной койки и сказала пациенту:

– Приехали! Располагайся!

Триста шестая палата была «блатной», двухместной. Вальяжный мужчина лет пятидесяти, лежавший с газетой в руках на другой койке, смотрел на нового соседа со смесью ужаса и отвращения. Как бомжа ни мой, а все равно сущность проглядывает. А больше свободных коек в отделении не было.

– Я его убью, загрызу, замучаю! – рыдала на следующее утро Введенская в кабинете заведующей кардиологическим отделением Бондарь. – Что за диверсант! Зачем он так, Ада Мартыновна?! Ведь я же просила-а-а! Я с Борисовной договорилась… Вечером мне Савченко-старший высказал все, что он

думает обо мне и о нашей больнице, а сейчас я узнаю, что ко мне бомжа заложили-и-и! Я ему сейчас дам, этому Боткину!

– Успокойтесь, Вера Андреевна! – потребовала заведующая, для которой срыв с Савченко тоже означал определенную финансовую потерю. – И не вздумайте никому ничего «давать». Лишний шум – это лишнее внимание. Говорят, этот Боткин вообще странный. На будущее в его дежурства никаких дел не намечайте. А бомжа лечите, вы же врач!

– В двухместную палату, Ада Мартыновна! – Введенская слегка успокоилась и от рыданий перешла к стенаниям: – К Евсеенкову! Он сейчас тоже уйдет…

– А вы, чем убиваться понапрасну, лучше распорядитесь насчет «рокировки», – посоветовала заведующая. – Переведите в шестую Страшкевича, а бомжа заберите в восьмую. Он все равно долго не пролежит, знаю я эту публику, им любой режим поперек горла…

Выйдя от заведующей, Введенская столкнулась с Ольгой Борисовной, пришедшей извиниться и вернуть деньги.

– Ну как же так, Оль? – пристала к ней Введенская. – Ты же ему сказала! Он вообще кто – человек или диверсант?! Откуда он взялся на нашу голову?

– Из города Мышкина, – ответила Ольга Борисовна и ушла, не желая продолжать бессмысленный разговор.

Боткина она упрекать и отчитывать не стала. Как упрекать и за что отчитывать, если он формально кругом прав. Диверсант.

Кошки-мышки

Понедельник для всех заведующих отделениями по определению является тяжелым днем, потому что приходится разбирать то, что натворили подчиненные за два выходных дня. А уж они натворят, будьте спокойны!

Ну а если тихим воскресным вечером (ах, как хороши погожие августовские вечера!) в больницу вдруг нагрянет линейный контроль департамента здравоохранения и застанет дежурного врача приемного отделения вместе с дежурной медсестрой и двумя охранниками за столь прозаическим занятием, как совместное распитие спиртных напитков, то поутру заведующей приемным отделением определенно будет чем заняться.

– Посидеть душевно захотелось?! – свирепствовала Ольга Борисовна. – Алкаши! Совсем обалдели! Хоть бы заперлись, что ли! Хоть бы бутылку под стол спрятали!

– Ну кто же мог знать… – разводил руками дежурный врач Голтышев. – Так все удачно сложилось…

Провинившаяся медсестра Самойленкова молча разглядывала потрескавшиеся носки своих белых балеток. В отличие от Голтышева, она понимала, что оправдываться бесполезно. Ладно бы еще Виктория Васильевна поймала на горячем, а то – линейный контроль департамента.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ЦРБ – центральная районная больница.

2

Minimum minimorum (лат.) – самое меньшее.

3

ПТУ – профессионально-техническое училище.

4

«Ханума» – музыкальный спектакль Ленинградского Большого драматического театра, поставленный режиссером Георгием Товстоноговым в 1972 году по мотивам классического водевиля А. Цагарели, рассказывающего о соперничестве двух свах.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/doktor-myshkin-priemnoe-otdelenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити